

Вѣра и Церковь (Foi et Eglise) № 2

СВ. А. СИПЯГИНЪ

(A. SIPIAGUINE)

У СКАЛЫ ПЕТРОВОЙ

(„PIERRE INÉBRANLABLE“)

ЦАРЬГРАДЪ

1922

—
Типографія „БРАТЯ ЗЕЛЛИЧЪ“

Вѣра и Церковь (Foi et Eglise) № 2

СВ. А. СИПЯГИНЪ

(A. SIPIAGUINE)

У СКАЛЫ ПЕТРОВОЙ

(„PIERRE INÉBRANLABLE“)

ЦАРЬГРАДЪ

1922

Типографія „БРАТЯ ЗЕЛЛИЧЪ“

БЕЗЪ ПЕТРА.

Неслыханный въ исторіи человѣчества катаклизмъ продол-
жаеть еще сотрясать мятущійся въ стихійномъ ужасѣ русскій
народъ.

Все, что могла принести съ собой проклятая война, все
это въ утысячеренныхъ тяготахъ пало на его голову: гладь и
морь, озвѣрѣніе и самопожираніе. Страницы историческихъ
хартій, уже издавшія виды, едва ли укажутъ что-либо подобное,
особенно если взять во вниманіе размахъ событій. Голодъ,
констатируемый въ Россіи теперь, — это не эндемичное явленіе,
какое часто замѣчалось и раньше тамъ и сямъ въ имперіи и
замѣчается теперь въ засушливыхъ областяхъ Деккана и перена-
селенныхъ мѣстностяхъ Китая.

Нѣтъ! Передъ очами нашими — апокалиптической ужасъ,
когда, по Откровенію, „саранчѣ бываетъ дана власть, какую имѣ-
ютъ скорпіоны, когда, едва пройдетъ одно горе, идутъ за нимъ
еще два горя, и освобождаются четыре Ангела, приготовленные
на часъ и день, и мѣсяць и годъ, для того, чтобы умертвить
третью часть людей“ (О. 9, 15). Обреченные пожираютъ себѣ
подобныхъ, чтобы быть пожранными такими же людьми завтра.

Невольно, но съ настоятельностью роковой неизбѣжности
вкрадывается въ душу мысль: однѣ ли экономическія и поли-
тическія причины влекутъ столь невиданное по ужасу слѣдствіе.
Прислушиваешься, не раздастся ли среди вопля алчущихъ хлѣба
и среди скрежета самогложущихъ зубовъ гласъ: „Мнѣ отмщеніе,
Азъ воздамъ!“

Но не моя цѣль провѣщать Божескую справедливость. Сочтемъ все, что происходитъ въ Россіи, за приговоръ Высшаго мудросудія, за испытаніе въ печи огненной.

И съ искренней радостью мы отмѣчаемъ, что въ русскомъ народѣ, казалось, павшемъ въ полной пристраціи отчаянія, начинаютъ проявляться признаки возрожденія. Всюду: и здѣсь въ бѣженствѣ, и тамъ въ гигантской объятости гигантскимъ несчастьемъ странѣ, все чаще и чаще вздымаются руки къ небу, слѣдую вельніямъ сердца, зовущаго: „горѣ имамы... имамы ко Господу“.

Констатируется религиозный подъемъ, и Православная Церковь собирается воздвигать свой сильно пострадавшій отъ невзгодъ храмъ.

Конечно, трудно будетъ ея дѣло. Вихрь революціи снесъ и разметалъ по четыремъ вѣтрамъ ея царственную кровлю, а червь сомнѣнія въ своихъ искательствахъ источилъ насквозь вдоль и поперекъ ея столпы. — Но теперь она, по крайней мѣрѣ, свободна въ выборѣ плана для перестройки. Тройной замкъ формулы: „Православіе. Самодержавіе и Народность,“ — не составляетъ больше заколдованнаго кольца, элементы котораго въ отдѣльности очень почтенные, сплелись въ довольно таки дисгармоничный вѣнецъ на главѣ Невѣсты Христовой.

Православіе должно заниматься исключительно спасеніемъ душъ, приведеніемъ ихъ къ Царю царей, Царю Небесному; самодержавіе же можетъ существовать и безъ православія: для него необходимъ подходящій субстратъ, — народъ. А народность? Гдѣ, кромѣ узкаго іудаизма и эллинизма, религія и національность взаимно покрываются? И развѣ католицизмъ уничтожаетъ любовь къ родинѣ? Цареву — царю, Божье — Богу, — слова Правды Вѣчной.

Очищая фундаментъ отъ загромождающихъ его обломковъ, русская церковь невольно возьметъ на себя роль археолога и не сможетъ не найти на мѣстѣ своей работы слѣдовъ вѣковыхъ наслоеній. Распутинъ, Побѣдоносцевъ, Прокоповичъ, Никонъ... вѣтъ за вѣками, она будетъ скалывать обрывки той обкладки, которая была чужда первоначальному стилю строенія. Найдутся тутъ и протестантскія заимствованія изъ теорій „*cuius regio, eius religio*“, и византизмъ, который, забирая въ свои цѣпки руки

Кесарево, не стѣснялся, и это въ широкой степени, и Божьимъ. Слой за слоемъ, она подойдетъ къ матеріку, къ твердой горной породѣ, уже испробованной силами адскаго огня и зубомъ времени, но все такъ — же монолитной и невывѣтрѣлой, какъ въ день своего сотворенія. И если у копающихъ сохранилась еще способность разбираться въ письменахъ праотческихъ, то они прочтутъ на этой неизблемой твердынѣ одно слово. И это слово будетъ: **כִּיבֵּן** — Πέτρος: Камень.

И разсѣется тогда пыль, застилавшая глаза ново-зидителей, и увидятъ они, что на томъ же самомъ фунда-ментѣ, гдѣ еще недавно стоялъ ихъ храмъ, величаво высится иной: тысячевратный, подобно Оивамъ, пространнотѣн-ной, какъ кедръ Ливанскій. и къ нему идетъ трехсотъ-милли-онный народъ, приобщаясь къ сотнетысячноголосному хору слу-жителей алтаря.

Если Церковь земная должна отражать блескъ Небеснаго Града, то указанная мною выполняетъ свою задачу блестяще. „Въ домѣ Отца Моего обителей много“, (I. 14, 2) говоритъ Наслѣдникъ Царства, и Церковь, Его невѣста, ищетъ повсюду достойныхъ въ нихъ поселиться: она дастъ кровъ и приютъ всякому, кто съ довѣріемъ стучится въ ея двери. Подобно древнему Іерусалиму въ дни Пятидесятницы, здѣсь собираются „люди набожные, изъ всякаго народа подъ небесами“ (Д. 2, 5) И какихъ только уборовъ не несется сюда для Невѣсты Христовой. Не одни „латинники“ ткутъ ей бѣлоснѣжныя туники своего строгаго стиля: тутъ и златомъ и перлами прошитый виссонъ греческій, и шелка Сиріи, и шерстяная самотканна пастуха съ Армянскаго нагорія.

Читатель понимаетъ, конечно, что я говорю объ обрядахъ, одинаково чтущихся Вселенской Церковью. И нѣтъ нестрога, какофоніи, въ этомъ многоязычїи, ибо хоромъ правитъ опытный руководитель, который въ отсутствїи ушедшаго къ Отцу Жениха, не только не расточилъ порученнаго ему имѣнїя, а, напротивъ, удвоетъ данные ему таланты

Если зиждущіе до сихъ поръ не видѣли моего чуднаго храма, то это не ихъ вина, — этому виною тройные очки Православїя, Самодержавїя и Народности, — изъ физики вѣдь

известно, что увеличеніе числа стеколъ въ оптическомъ приборѣ, уменьшая степень освѣщенія объекта, затемняетъ его.

Русскій человекъ не знаетъ католицизма, какъ національной всеплеменной религіи; онъ смотритъ на иновѣрца только со своей народно-церковной точки зрѣнія. Протестантъ для него — нѣмецъ, хотя въ Россіи было болѣе 300 тысячъ католиковъ этой національности, а католикъ, кто бы онъ ни былъ по крови: французъ, итальянецъ, литвинъ, ходитъ, по его мнѣнію, въ „польскій костелъ“. Католическій же священникъ для него только „панъ ксѣндзь“.

Не больше чѣмъ простой народъ, знала католиковъ и русская интеллигенція. Вѣрующая или невѣрующая, она одинаково мало интересовалась духовной въ широкомъ смыслѣ этого слова литературой. Вспомнимъ, что на стомилліонную массу народа въ Россіи существовало только два-три популярныхъ религіозныхъ журнала.

Многотысячное бѣженство не можетъ теперъ не столкнуться съ иновѣрцами и не вступить съ ними въ тѣсную связь.

И къ тѣмъ изъ несчастныхъ изгнанниковъ, кто чувствуетъ себя православнымъ не изъ — за псевдо-политическихъ идеаловъ, я обращаю свое слово: давайте познакоимся поближе! Вы не можете отрицать, что только мы съ вами побратимы, и залогъ связи нашей въ общей и дѣйственной вѣрѣ въ то, что спаивало первыхъ христіанъ въ дружную семью: онъ лежитъ „въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ“ (Д. 2, 42).

Кровь нашего и православнаго Христа не изсякла на крестѣ, она на римскомъ или московскомъ алтарѣ попрежнему жертвенно льется „за вы и за многія“, тогда какъ у другихъ въ отмщеніе за гордыню исполнилось Осіево предсказаніе: „хотя Ефремъ плодитъ между братьями, но придетъ восточный вѣтеръ, подниметъ вѣтеръ Господень изъ пустыни, — и изсохнетъ родникъ его и изсякнетъ источникъ его“ (13, 15).

Сектантство несетъ съ собой уплощеніе выпуклостей на обликѣ Христа, низводитъ его до фантома и миража, у насъ же обоихъ Онъ попрежнему „сіяніе славы и образъ ипостаси Бога“ (Ев. 1, 3).

У насъ Христосъ все: „сдѣлался для насъ премудростью

отъ Бога, праведностью и освященіемъ и искупленіемъ“ (I Кор. 1, 30), у тѣхъ — онъ часто только учитель политической экономіи.

Стоя на твердынѣ Евангельской, только мы и православные достойны повторять Павлово: „вы же — Христовы, а Христосъ — Божій“ (I Кор. 3, 23).

Грядетъ девятый валъ; раскаты его рокота уже доносятся; съ змѣинымъ подсвистомъ, съ гадовымъ шипѣніемъ хотятъ устремиться въ разсѣлину волны. Неужели и въ этотъ моментъ вы не видите простертой къ вамъ на помощь руки? Подающей ее терпѣливъ, онъ будетъ ждать и вѣрить во вѣки, но терпѣливы ли волны? Можете ли вы съ увѣренностью думать что это вамъ сказала Господь: „Хотя волны устремляются, но превозмочь не могутъ; хотя онѣ бѣшуютъ, но переступить его не могутъ“ (Иер. 5, 22). Дѣйствительность кричитъ вамъ: нѣтъ!

Мы же спокойны: и пусть Іово чудовище „кипятитъ пучину, какъ котель, и море претворяетъ въ кипящую мазь“ (41, 23), — среди рокота разъяренной стихіи мы слышимъ бодрящій голосъ: „на семь камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея“. Эта скала — апостоль Петръ!

II.

Скала подъ рѣзцомъ Ваятеля.

Католики вѣрятъ, что, основавъ Церковь, Спаситель по Своемъ Вознесеніи не оставилъ ея безъ видимаго главы и не хотѣлъ, чтобы она оставалась безъ земного верховнаго пастыря до скончанія вѣка, — онъ назначилъ себѣ замѣстителя, которымъ и явился апостоль Петръ, преемственно представляемый римскими первосвященниками.

Этотъ пунктъ нашей вѣры основанъ на Писаніи, Твореніяхъ Отцовъ Церкви и ея преданіяхъ.

Ни одинъ изъ апостоловъ не пользуется такимъ вниманіемъ книгъ Новаго Завѣта, какъ апостоль Петръ: уже простой перечесть показываетъ, что его имя въ Евангеліяхъ, Дѣяніяхъ и Посланіяхъ упоминается до 180 разъ, и это при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: въ силѣ и слабости, въ славѣ и темничномъ сидѣніи, чѣмъ дается не только богослову, но и просто психологу возможность создать хотя и „словесный“, но тѣмъ не менѣе полный жизни портретъ этого апостола.

Уже первые шаги знакомства Спасителя съ Петромъ показываютъ, что Предвѣчный отмѣтилъ Своего будущаго Намѣстника знаками особаго вниманія. Онъ, употребляя слова канона Іоанна Дамаскина, (п. I.) „проувидѣвъ, представилъ Петра, яко предстателя своея Церкви и первопрестольника“. И Святое Писаніе на каждомъ шагѣ изображаетъ, съ какимъ педагогическимъ тактомъ, позволяю себѣ это мірское выраженіе, Божественный Учитель подготавливаетъ Петра къ его будущей роли.

При первой же встрѣчѣ съ нимъ, когда Петръ, послушавшись слова своего брата Андрея, сообщившаго: „мы нашли Мессію“, идетъ въ порывѣ похвальнаго любопытства поглядѣть

на Помазанника, Иисусъ, взглянувъ на пришедшаго, сказалъ: „ты Симонъ, сынъ Ионинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ Камень*) (Петръ)“ Ио. I, 42.

Подобная перемѣна имени, какъ видно изъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Ветхомъ Заветѣ, не была простымъ приложеніемъ фамильярной клички, а предвѣщала перемѣну въ характеръ или судьбахъ лица. Такъ Аврамъ по хотѣнію Всемогущаго нарекается Авраамомъ при обѣщаніи отцовства надъ многими народами (Б. 17, 5); бесплодная Сара именуется Саррой и ей обѣщается сынъ; Иаковъ получаетъ имя Израиля, отъ котораго произойдутъ народы и ихъ цари (Б. 17. 16).

И вотъ Камень — Кифа, бывший Симонъ, попадаетъ въ руки Божественнаго Ваятеля, и много заботъ выказываетъ послѣдній въ обработкѣ этой еще дикой скалы, чтобы сдѣлать изъ нея гранитный цоколь для вѣчнаго и живого памятника Своей земной дѣятельности, лучшаго творенія рукъ Своихъ — Церкви Вселенской.

Христосъ сразу приближаетъ къ себѣ Петра, достаивая использовать его ладью въ качествѣ кафедры для проповѣди толпамъ, собравшимся на берегахъ Генисаретскаго озера, — изъ двухъ находившихся здѣсь лодокъ Онъ избираетъ именно Петрову (Л. 5, 3) — а затѣмъ, чтобы подтвердить фактами вѣскость Своихъ словъ, Онъ показываетъ Кифѣ Свою власть надъ силами природы: при неблагоприятнѣйшихъ, по мнѣнію опытнаго рыбака Симона, условіяхъ Онъ совершаетъ чудесный уловъ рыбы. — „Мы трудились всю ночь, и ничего не поймали“. — Однако довѣріе ученика къ Учителю уже твердо: „по слову Твоему закину сѣть“. И вотъ въ этой послѣдней оказывается великое множество рыбы (Л. 5).

Авторитетъ, неоспоримый, несокрушимый, уже царитъ надъ Петромъ; онъ ошеломленъ происшедшимъ, но то же сердце, которое ему вскорѣ подскажетъ его прекрасное исповѣданіе Божественности Учителя, ему и здѣсь влагаетъ въ его уста вѣрное толкованіе совершившагося. Онъ не спрашиваетъ, какъ „люди“:

*) Камень въ смыслѣ скалы. какъ у насъ на Уралѣ вершины зовутся камнями; напр. Денежкины и т. п.

„кто Этотъ, что и вѣтры и море повинуются Ему?“ (М. 8, 27), ибо повѣрилъ онъ еще Юанну Крестителю, когда вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ ходилъ посмотрѣть „на Агнца Божія, который беретъ на Себя грѣхъ“ міра (Іо. 1, 29).

Зато вся слабость собственной человѣческой природы вырисовывается передъ нимъ. „Сѣть у него прорывалась“, ладья едва принимаетъ уловъ, — выдержать ли его душа эту „благодать въ явленіи Иисуса Христа“ (І. П. 1, 13)? — „Выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“. Но Господь только и ждалъ этого признанія: „Онъ милостивъ къ нему; съ радостью взираетъ на лице его и возвращаетъ человѣку праведность его“ (Іов. 33, 26). — „Не бойся“, говоритъ Христось, „отнынѣ будешь ловить человѣковъ“ (І. 5, 10).

Назначеніе Петра опредѣлено, и съ этого момента онъ является постояннымъ спутникомъ Того, кто проходилъ благодѣтельствуя. Иисусъ и Петръ появляются вмѣстѣ во всѣхъ важныхъ событіяхъ, описанныхъ въ Евангеліяхъ, и имя бывшаго рыбака обычно стоитъ во главѣ перечней апостоловъ, при чемъ у Маттея (10, 2) говорится „первый Симонъ, называемый Петромъ“. Если Евангелистъ говоритъ о нѣсколькихъ ученикахъ, и среди нихъ находится Петръ, то его присутствіе отмѣчается, какъ залогъ авторитетности: „Симонъ и бывшіе съ нимъ пошли за нимъ“ (Мк. I, 36). „Скажите ученикамъ Его и Петру“ (Мк. 16, 6). „Петръ сказалъ и бывшіе съ нимъ“ (І. 8, 45). „Петръ же и бывшіе съ нимъ отягчены были сномъ“. (І. 9, 32) и Г. д.

Петръ слышитъ изъ устъ Учителя заповѣди блаженства, завѣты любви къ ближнему, слышитъ величавую молитву Господню, то есть, проходить всю школу науки Христовой. Видитъ онъ и чудеса, свидѣтельствующія о сверхчеловѣчествѣ Наставника: при немъ излѣчиваются и прокаженный, и слуга сотника, и расслабленный. Жизнь его ума питается дивными притчами о сѣятелѣ, о посѣвахъ на разныхъ почвахъ. Словомъ, матеріала для индукціи было достаточно, хотя не отсутствовали и возраженія, исходившія отъ тѣхъ, кто изумлялся и говорилъ: „откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотниковъ ли Онъ сынъ“ (М. 13, 54).

Спаситель счелъ уже возможнымъ испробовать наводящую

мыслительную способность и вѣру Петра и прочихъ учениковъ. Какое же слѣдствіе изъ всего видѣннаго и слышаннаго извлекутъ они? Кто же Онъ, кому и вѣтры и море повинуются, а между тѣмъ Онъ такъ кротокъ сердцемъ, какъ агнецъ, ведомый на закланіе?

Въ Кесаріи Филипповой происходитъ это знаменательное испытаніе. Христосъ спрашиваетъ учениковъ о людскихъ слухахъ относительно Себя, „Сына Человѣческаго“. Разнообразны были эти слухи. Кто замѣтилъ въ Христѣ любовь къ бѣдности, тотъ считалъ его воскресшимъ Иоанномъ Крещителемъ. Кто поражался чудесамъ, тотъ видѣлъ Ілію, сошедшаго съ Лона Авраама. Кто внималъ Его громящимъ рѣчамъ противъ книжниковъ, тотъ слышалъ отголоски плача пророка Іереміи надъ „городомъ, нѣкогда много люднымъ“.

„А вы за кого почитаете меня? — испытываетъ Учитель уже учениковъ. Петръ выходитъ первымъ изъ экзамена, только онъ поднимается до синтеза столь многосторонней личности Наставника: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“.

Но вѣдь въ этой формулѣ — вся наша вѣра! Съ этими словами шли на костеръ и въ пасти звѣринья наши христіанскіе мученики. Эти слова блещали на челѣ нашихъ чистыхъ дѣвъ исповѣдницъ. Во имя ихъ мы хранимъ наши человѣческіе идеалы, на нихъ мы строили свою культуру.

И эти слова произнесъ Петръ, и только онъ!

Не признавайте же теперь „особоизбранности“ Петра, — вы, кто мѣритъ событія и положенія своимъ масштабомъ себя-любиваго мѣстничества!

* * *

Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго! — Ученикъ уже зрѣлъ, чтобы пообѣщать ему высокую честь въ будущемъ: „Ты — Петръ, и на семъ камнѣ я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“. (М. 16, 18-19). — Этотъ текстъ есть одно изъ основаній нашей вѣры въ примать Петра: здѣсь ясно обѣщаются Петру прерогативы Верховнаго Святительства, Учительства и Пастырства. Не иначе понимался этотъ текстъ и на Востоцѣ, когда онъ былъ еще въ единеніи съ Матерью Церковью.

Но какъ ни зрѣла оказывалась вѣра Петра, у него еще были стороны, надъ которыми приходилось работать Наставнику. Привыкшій, какъ рыбарь, лавировать между камнями родного озера и вывертываться подъ парусами отъ внезапныхъ шквелей, онъ еще вѣритъ въ чисто мірскія средства. Когда Христосъ начинаетъ открывать Апостоламъ великую тайну искупленія рода человѣческаго цѣною Своихъ страданій, Петръ попрежнему вѣритъ въ Спасительство Учителя, но думаетъ, что можно было бы найти болѣе естественный исходъ для столь великаго поприща. „Будь милостивъ къ себѣ, Господи! да не будетъ этого съ Тобою“ (М. 16, 22). Человѣкъ говоритъ въ немъ, и Господу приходится прибѣгнуть къ сильному человѣческому средству, чтобы указать Петру, что у него еще много земного, что Князь міра еще питаетъ на него свои расчеты: „отойди отъ Меня, сатана! ты мнѣ соблазнъ, потому что думаешь не о томъ, что Божье. но что человѣческое“ (16, 23).

Божье — творить волю Отца, и творить безпрекословно, человѣческое же — приспособлять эту волю, согласно личнымъ удобствамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что только воспитательная цѣль руководила Провидцемъ въ этомъ знаменательномъ случаѣ. Стисненія къ ученику прежнія, и по прошествіи шести дней Иисусъ удаиваетъ Петра предвзвущенія блеска Воскресшаго въ Свсемѣ Царствѣ. Въ присутствіи опять — таки Петра и двухъ другихъ учениковъ, Іоанна и Іакова, Онъ преобразился на Фаворѣ, и ученики услышали „гласъ изъ облака глаголющій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте“ (М. 17, 5). Петръ залитъ блескомъ величія Преобразившагося. Забыта фраза: „выйди отъ меня“; уже не говоритъ онъ: „да не будетъ этого съ Тобой“, — но эгоистическая искра еще вспыхиваетъ въ очищаемомъ огнѣ его преданнаго сердца: „Господи! хорошо намъ здѣсь быть“. А овцы? А товарищи — агнцы? — Намъ хорошо быть здѣсь, а имъ?

Вотъ какъ обращается мысленно къ Петру по этому поводу Св. Іоаннъ Дамаскинъ (Гом. на Преобр. Господне).

„Если бы ты остался на Фаворѣ, не исполнилось бы обѣщаніе относительно тебя. . .

Если бы ты остался тамъ, то не былъ бы ключаремъ Царствія.

Не палатокъ строителемъ, а Церкви всемірной зиждителемъ поставилъ тебя Господь“.

Оправданіе Петра лежитъ опять—таки въ его исповѣданіи Божественности Христа. Свое личное присутствіе на Фаворѣ онъ владеть позже во свидѣтельство крѣпости своей вѣры, возвѣщаемой „не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдую“, но какъ „очевидецъ величѣпной славы“ Отца, которую онъ воспріялъ собственными чувствами, будучи съ Христомъ на святой горѣ“ (П. П. 1, 16, 18).

* * *

Приготовляя Петра къ будущему его поприщу, Христосъ не могъ не указать ему, что Церкви, пока она борствуется на землѣ, придется быть очень осторожной въ сношеніяхъ съ „малыми сими“, чтобы не соблазнить ихъ. Практическій урокъ въ этомъ смыслѣ былъ данъ апостолу Учителемъ въ извѣстномъ фактѣ уплаты дидрахмы за храмовую пошлину.

Фактъ этотъ не случайно имѣетъ мѣсто въ Капернаумѣ (М. 17, 24-27): Здѣсь Петръ былъ свой человѣкъ, здѣсь у него была собственность и близкіе родственники, которые, вѣроятно, не мало удивлялись перемѣнѣ въ жизни бывшаго трудолюбиваго рыбака: „Мы трудились всю ночь“, а теперь—ходженіе по засѣянному полю, срываніе колосьевъ, растираніе рукою зеренъ (Л. 6, 1), и это еще въ субботу, словно, какъ птицы небесныя, что не сѣютъ и не жнутъ. Ставъ сыномъ Царства вѣчнаго, Петръ, можетъ быть, счелъ бы себя свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей члена земной общины, но Иисусъ своимъ личнымъ примѣромъ объясняетъ ему, что нельзя „соблазнять“ ихъ, т. е. людей, еще твердо держащихся своихъ земныхъ распорядковъ.

Дидрахма (60 коп.), по Моисееву закону, вносилась каждымъ мужиной отъ 20 до 50 лѣтъ, и неуплата ея была знакомъ отщепенства. Петръ, постоянно слышавшій отъ Иисуса о необходимости подчиненія властямъ, былъ увѣренъ, что и въ этомъ случаѣ Учитель не измѣнитъ Своему слову. „Учитель вашъ не

дасть ли дидрахмы“? Спрашивали Петра собиратели пошлинъ, и Петръ увѣренно отвѣчалъ „да“.

Я не буду касаться очень важныхъ словъ Спасителя, сказанныхъ Имъ Петру въ объясненіе свободы сыновъ царей отъ пошлинъ и податей, что завело бы меня въ глубины эгзегетики. Подчеркиваю только фактъ заботы Иисуса о несоблазненіи совѣсти слабыхъ. Собиратели пошлинъ, а съ ними и жители мѣстечка, не легко могли бы понять свободу Христа отъ требованій свѣта сего и использовали бы его примѣръ въ ущербъ порядку.

Характерно только то, что посылая Петра поймать рыбу и извлечь изъ пасти ея статиръ, Христось прибавляетъ: „возьми его, и отдай имъ за Меня и за себя“.

Эта совмѣстная уплата пошрины одной монетой за двухъ лицъ подрѣпляетъ нашъ взглядъ на заданія Христа, уготованныя Петру. И вся послѣдующая серія фактовъ, рисующихъ намъ отношенія Иисуса къ апостоламъ, подчеркиваетъ особое положеніе Петра среди послѣднихъ. Петръ сопутствуетъ Учителю вездѣ, и обычно упоминается первымъ, если указываются еще другія имена, большей частью Іоанна и Іакова. На воскресеніи же дочери начальника синагоги Христось даже не хочетъ имѣть свидѣтелями всѣхъ двѣнадцати, онъ ограничиваетъ число тремя, и между ними, мы видимъ, находится опять Петръ.

„Онъ не позволилъ никому слѣдовать за собою, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна“ (Мк. 5, 37). И при совершеніи именно этого чуда Петръ услышалъ „таліаѳа куми“, слова, которыя онъ позже употребить, воскресшая въ Іоппіи ученицу, которая „была исполнена добрыхъ дѣлъ и творила много милостынъ“ (Д. 9).

* * *

Но особенно ясно рисуется близость Учителя къ ученику въ заключительные моменты жизни Спасителя. Онъ какъ бы подводитъ итогъ всего, что свершилъ, резюмируетъ все сказанное, совершая все это въ присутствіи Петра.

Петру, будущему хранителю Небеснаго сокровища, купленнаго Кровью Агнца, и Іоанну, который имѣлъ несказанную

сладость и честь припасть къ груди Иисуса и слышать біеніе Его Священнаго Сердца, поручается приготовить „ѣсть пасху“ (Л. 22, 8), послѣднюю Тайную вечерь, на которой были водружены устои нашего спасенія: пресушествленіе хлѣба и вина въ Его Тѣло, за насъ предаваемое, и Кровь, льющуюся потокомъ, оживляющимъ души наши до скончанія вѣка.

Здѣсь въ хранинѣ послѣдняго собранія учениковъ съ Учителемъ мы ясно видимъ, что Христось очевиднымъ образомъ выдѣлялъ Петра изъ среди его товарищей. Изъ самыхъ словъ Иисуса явствуетъ, что ученики признавали существованіе между собой извѣстнаго неравенства, а Онъ допускалъ возможность послѣдняго. — „Быль же и споръ между ними, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ“ (Л. 22, 24). Христось вмѣшивается въ разгаръ дискуссіи и полагаетъ ей конецъ не тѣмъ, что отрицаетъ суть вопроса, а, напротивъ, констатируя неравенство между учениками, указываетъ, что послѣднее не должно итти въ гордыню и гибель, но во смиреніе; „кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій . . . Я посреди васъ, какъ служащій“ (Л. 22, 27).

И именно къ службѣ на пользу братьевъ зоветъ Петра Иисусъ, когда на этой же Вечери, сообщивъ двѣнадцати, что имъ предуготовано сѣсть на престолахъ и „судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“, Онъ тотчасъ же обращается къ Петру, поручая ему утвержденіе въ вѣрѣ его братьевъ.

Онъ сказалъ Господь: „Симонъ, Симонъ! се, сатана просилъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу. Но я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя; и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ“ (Л. 22, 31-32).

И обратите вниманіе! „Утверди братьевъ“ сказано тому, кому буквально черезъ нѣсколько мгновеній предсказывается самое страшное проявленіе человѣческой слабости: „трижды отречешься, что не знаешь Меня“.

Врата Адовы еще испускаютъ свое смертоносное дыханіе, но скала не рухнетъ и, напротивъ, въ ея твердости найдутъ мощную опору ноги „обутыя въ готовность благовѣствовать миръ“ (Еф. 6, 15).

А между тѣмъ Св. Писаніе никогда не скрывало извѣ-

стныхъ недостатковъ въ характерѣ Петра. Онъ порывистъ, легко переходя отъ геройской рѣшимости къ отчаянію малодушія. Вотъ видитъ онъ „по водамъ Ходящаго“, бросается по Его слову въ воду, но . . . сдѣлавъ нѣсколько удачныхъ шаговъ, вдругъ теряетъ равновѣсіе.

„Повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ . . . Господи, спаси меня!“ (М. 14, 28-30), — антитеза яркая и поучительная.

И этотъ „маловѣрный“ будетъ утверждать своихъ братьевъ въ вѣрѣ? Да, будетъ и можетъ! Ибо его вѣра мала не въ отношеніи исповѣдуемаго имъ „Христа, какъ непорочнаго и чистаго Агнца“ (І П. 1, 19), а относительно собственныхъ силъ. „Господи, спаси меня“ есть отголосокъ сцены признанія: „я человѣкъ грѣшный“.

Ни у одного изъ Евангелистовъ не найдемъ мы намековъ на предѣльность вѣры Петровой въ Иисуса; и особенно трогателенъ Петръ въ своей стойкости исповѣданія Христовой искупительной жертвы, о чемъ такъ выразительно повѣствуетъ Іоаннъ въ послѣдней части шестой главы.

Иисусъ учитъ, что Онъ „хлѣбъ жизни“ и „что піющій Его кровь пребываетъ въ Немъ“. Эти слова, столь ясныя для насъ, привыкшихъ „вкусать источника безсмертнаго“, смутили нѣкоторыхъ изъ учениковъ: „Какія странныя слова! кто можетъ это слушать?“ и многіе изъ нихъ покинули Пастыря „и уже не ходили съ Нимъ“. Однако къ числу этихъ маловѣрныхъ Апостолы не принадлежали, и снова Петръ является выразителемъ ихъ чувствъ, когда на вопросъ, въ которомъ звучатъ почти скорбныя ноты: „не хотите ли и вы отойти?“, онъ отвѣчаетъ, что и самъ, и его товарищи уже неразлучно, неразрывно связаны съ Учителемъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христось, Сынъ Бога живаго.“

И куда же, дѣйствительно, идти Петру, когда онъ и его товарищи, по собственному признанію, оставили все и послѣдовали за Учителемъ, полагая свой удѣлъ въ пакибытіи (М. 19, 28) съ Нимъ. Едва завидѣвъ далекіе горизонты моря блаженства, забрезжившіе ему на Ѡаворѣ, Петръ прямо боится утратить довѣріе Кормчаго своей ладьи. Стоитъ Христу при омовеніи ногъ

на Тайной Вечери пригрозить: „если не умою тебя, не имѣешь части со Мною“, какъ порывистый Петръ уже простираетъ руки и склоняетъ главу: „Господи! не только ноги мои, но и голову.“

Христосъ, какъ мы знаемъ, предвѣстилъ Петру его отречение и, несмотря на это, Онъ въ провидѣніи будущихъ заслугъ Своего замѣстителя хочетъ, чтобы Петръ былъ полнымъ очевидцемъ Его крестныхъ страданій. Съ Петромъ и еще двумя учениками, свидѣтелями Его славы въ Преображеніи, Онъ удаляется въ садъ Геосиманскій, гдѣ происходитъ величайшая трагедія смертельной скорби души Спасителя, сокровениѣйшая тайна Его искупительной жертвы.

„ . . . и началъ ужасаться и тосковать. И сказалъ имъ: душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь и бодрствуйте“... (Мк. 14, 34).

Петръ, вѣроятно, припоминаетъ свою попытку уговорить Учителя пожалѣть Себя, припоминаетъ и полученный отвѣтъ: „отойди отъ меня, сатана!“ Онъ вѣритъ, что все происходящее должно было совершиться, и высказываетъ полное спокойствіе за Агнца, „предназначеннаго еще прежде созданія міра, но явившагося въ послѣднія времена“ (I П. 1, 19-20).

Правда, свое спокойствіе выражаетъ Петръ довольно оригинальнымъ образомъ, онъ съ товарищами засыпаетъ. Спаситель пользуется и этимъ случаемъ, чтобы напомнить Петру о необходимомъ для пастыря качествѣ, о бдительности; трое спали, но только къ Петру направленъ Его пробуждающій зовъ: „Симонъ! ты спишь? не могъ ты бодрствовать одинъ часъ“. (Мк. 14, 37). Ученикъ наставляется въ бдительномъ бодрствованіи, которое онъ позже и выкажетъ въ высокой степени.

Наступаетъ конецъ трагедіи. Мракъ ночи, кровавое миганіе зловѣщихъ факеловъ: среди нихъ перекошенное злостью лицо предающаго. Лязгъ оружія вторитъ его Каинову привѣту: „радуйся, Равви“.

Пастырь схваченъ, овцы разсѣялись. „Тогда всѣ ученики, оставивъ Его, бѣжали . . . Петръ же слѣдовалъ за Нимъ издали, до двора первосвященникова; и, вошедъ внутрь, сѣлъ со служителями видѣть конецъ“ (М. 26, 56, 58).

Правосудіе свѣта сего . . . масса лжесвидѣтелей, заранѣ

предрѣшенный приговоръ, а на дворѣ скорчившійся отъ холода ночи и укрывающій свое лицо отъ предательскаго огня-Петръ.

„И ты былъ съ Иисусомъ Галилеяниномъ?“ „И этотъ былъ съ Иисусомъ Назореемъ!“ „Точно, и ты изъ нихъ!“ — закидываютъ вопросами раздавленнаго событіями Петра. „Тогда онъ началъ клясться и божиться, что не знаетъ сего человѣка“ (74) . . . Поеть пѣтухъ, вспоминаетъ Петръ „слово, сказанное ему Иисусомъ . . . и, вышедъ вонъ, плакалъ горько“.

Слезы, горькія, ѣдкія какъ желчь, наполнившая умирающаго Христа, горячія, какъ кровь Его ранъ, омываютъ Камень отъ обломковъ и пыли.

III.

„На семь Камнѣ“

„Христось воскресъ“ — несутъ мироносицы радостную вѣсть ученикамъ и Петру (Мф. 16, 7). Надъ омытымъ слезами раскаянія Камнемъ вновь сіяетъ солнце: свѣтило оправданія и прощенія. Не всѣ еще видятъ его: пережитый ужасъ держитъ еще во мракѣ умы, и слова благочестивыхъ женъ не вызываютъ въ нихъ аккорда: „и показались имъ слова ихъ пустыми, и не повѣрили имъ“ (Л. 24, 11).

А Петръ? Онъ, какъ отмѣчаетъ Писаніе, „вставъ, побѣжалъ ко гробу“ и убѣдился, „дивясь самъ въ себѣ происшедшему“.

Послѣдующія событія показываютъ, что, если ученики и вернулись во взаимное общеніе, повѣривъ Воскресенію Спасителя, то они обязаны этимъ свидѣтельству главнымъ образомъ Петра. Послѣдній узналъ Учителя „въ преломленіи хлѣба“, и ученики „говорили, что Господь истинно воскресъ и явился Симону“ (Л. 24, 34), который и сталъ такимъ образомъ провозвѣстникомъ славы Воскресшаго.

Изъ всѣхъ фактовъ, сообщенныхъ намъ Евангелистами о пребываніи Спасителя на землѣ послѣ Своего Воскресенія, самымъ важнымъ является послѣдній случай его тѣлеснаго общенія съ учениками. Какъ педагогъ, исходя изъ центра, развертываетъ передъ своими слушателями все болѣе обширные циклы, такъ и Христось заканчиваетъ Свое земное учительское поприще, давая ученикамъ знакомыя уже картины, но въ болѣе детальной ихъ разработкѣ (Л. 21).

То же мѣсто сцены, и почти тѣ же лица: опять море Тиве-

риадское (Генисаретское озеро), и снова чудесная рыбная ловля. Петръ, видя и тутъ „множество рыбы“, пойманной по слову Спасителя, уже не чувствуетъ ужаса и не проситъ: „выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“. Молчить и Наанаилъ, убѣдившись, что и „изъ Назарета можетъ быть что доброе“ (Io. 1. 46). Тома, уже вложившій „персть въ раны отъ гвоздей и руку въ ребра Его“ (Io. 20, 35), Тома, этотъ сторонникъ метода нагляднаго обученія, уже не рѣшится повторить своихъ словъ: „Господи! не знаемъ, куда идешь; и какъ можемъ знать путь?“ (Io. 14, 5), вѣдь онъ самъ далъ прекрасное свидѣтельство о Богочеловѣкѣ: „Господь мой и Богъ мой“ (Io. 20, 28). Всѣ молчатъ, видя совершившееся. „Никто не смѣлъ спросить Его: кто ты?, зная, что это Господь“ (Io 21, 22).

Учитель является на трапезу учениковъ. „Иисусъ приходитъ, беретъ хлѣбъ и даетъ имъ“. И здѣсь, какъ и на Великой Вечери Скорби, Петръ занимаетъ свое почетное мѣсто. Онъ уже „обратился“, и Христось торжественно вручаетъ ему пастьство надъ стадомъ, которое, отходя къ Отцу, онъ долженъ вскорѣ покинуть.

Какъ въ чинѣ посвященія достойному возглашается троекратное признаніе: аксіось!, такъ и въ этомъ случаѣ Христось приступаетъ къ ученику съ троекратнымъ вопрошеніемъ о любви.

Вотъ слова, обращенныя Воскресшимъ къ Петру (Io. 21).

„15. Когда же они обѣдали, Иисусъ говоритъ Симону Петру: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше нежели они? Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ Моихъ.“

16. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ.“

17. Говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: „любишь ли Меня?“, и сказалъ Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ“.

Какъ ни интерпретировать этотъ текстъ, какъ ни терзать

его, ясно одно: троекратное вопрошеніе о любви, троекратный утвердительный отвѣтъ, и въ результатѣ троекратное дарованіе папскихъ правъ надъ всѣмъ стадомъ: паси агнцевъ, паси овецъ; утверждай первыхъ, размножай вторыхъ, но будь Пастыремъ и надъ тѣми, и надъ этими.

Слова Христа это — инвеститура, введеніе въ высокую обязанность.

Сопоставивъ тексты, приведенные мною, читатель, обладающій доброю волей, не будетъ отрицать, что Провидѣніе ясно и вполне опредѣленно очертило кругъ будущей дѣятельности ап Петра. Св. Матѳей (16, 18-19) приводитъ слова Спасителя, обѣщающія Петру общую власть надъ Церковью: „на семъ камнѣ съ создамъ Церковь Мою“. Св. Лука въ словахъ: „нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ“ (22, 32) указываетъ намъ на первенство Петра среди апостоловъ не только въ „послѣдованіи чести“, но и юрисдикціи, такъ какъ ни одно „утвержденіе“ не мыслимо безъ правового авторитета утверждающаго. Послѣдній же текстъ это прямая инвеститура, введеніе въ высокую обязанность. Вотъ единственно возможный итогъ и выводъ изъ сказаннаго.

* * *

Петръ — верховный Пастырь. Женихъ уходитъ къ Отцу, оставляя свое наслѣдіе въ опытныхъ рукахъ.

Господь „вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога“ (Мк. 16, 19) а ученики „поклонились Ему и возвратились въ Иерусалимъ съ великою радостью“ (Л. 24, 52).

Но работа не ждетъ. Вѣдь буря прорвала трещину въ возводимой стѣнѣ Новаго Храма: отъ нея „отпалъ Іуда, чтобы итти въ свое мѣсто“. Нужно пополнить ущербъ.

И вотъ въ присутствіи Пречистой, посреди собранія въ сто двадцать человекъ, Петръ беретъ на себя инициативу „добыборовъ въ пленумъ“. Онъ произноситъ полную текстовыхъ обоснованій рѣчь, первую по хронологіи „аллокуцію“, которыхъ за почти двутысячелѣтнюю жизнь Церкви столько произнесли преемники Петра передъ братьями кардиналами. И какъ Папы заботятся о томъ, чтобы святительскія кафедры не вдовствовали,

такъ и Петръ предложилъ выбрать новаго члена коллегіи, вза-мѣнъ отпавшаго Іуды. Избранъ былъ, какъ извѣстно, Матѳій.

Исполняется послѣднее обѣщаніе Христово: нисходитъ Утѣшитель! Дружная семья утѣшена привѣтомъ Отшедшаго. „И явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почили по одному на каждомъ изъ нихъ“ И исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщавать“. (Д. 2, 3).

Въ Іерусалимѣ къ этому дню было цѣлое собраніе: „люди набожные изъ всякаго народа подъ небесами“ слушали „каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились“ и, конечно, изумлялись. И только Петръ, центръ всего событія, нашель для этого новаго смѣшенія языковъ какой - то филологической синтезъ и „ставши съ одиннадцатью, возвысилъ голосъ свой и возласилъ“, поведя къ этой пестрой массѣ, стекшейся въ Іерусалимъ отъ Месопотаміи и Киренеи, Понта и Рима, свою рѣчь.

Рѣчь Петра въ день Пятидесятницы — это слово Вселенскаго Пастыря къ агнцамъ и овцамъ, гдѣ бы ни находились ихъ пастбища, — это - первая папская энциклика, обращаемая „*urbī et orbī*“ (городу и земному шару), — „*Mīru* и *Rimū*“, какъ о подобныхъ актахъ преемниковъ Петра говорятъ русскія Миней. Эта рѣчь, блестящая библейскими обоснованіями и подтвержденная фактами изъ собственныхъ свидѣтельствъ очевидца, важна еще и въ иномъ отношеніи: эта первая энциклика свидѣтельствуетъ о безстрашіи Петра. Въ двухъ шагахъ отъ Синедріона, гдѣ и стѣны имѣли уши, онъ кидаетъ обвиненіе въ Богоубійствѣ: „Іисуса Назорея, Мужа, засвидѣтельствованнаго вамъ отъ Бога силами и чудесами и знаменіями . . . , пригвоздиль руками беззаконныхъ, убили“ (Д. 2, 22-23).

И тотъ, кто еще такъ недавно клялся и божился (Мт.), не зналъ, о чемъ его спрашиваетъ служанка первосвященника; прямо, наконецъ, отрицалъ, что онъ не изъ числа его учениковъ (Іо. 18, 25), теперь молчать не можетъ. Угрозы Синедріона для него уже ничто. Въ сознаніи своей вселенской роли онъ вызываетъ не только къ слушающимъ, но и къ разсѣянному народному, къ діаспорѣ: „да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ и всему народу Израильскому“, а угрожающимъ и запрещающимъ „учить о

имени Иисуса“, Петръ и Иоаннъ прямо говорятъ, что приказанія исполнить не могутъ: „судите, справедливо ли передъ Богомъ — слушать васъ болѣе, нежели Бога. Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“ (Д. 4, 19-20).

Съ „дерзновеніемъ“ и „великою силою“ оба ученика Христа, приготовившіе Ему ѣсть послѣднюю Пасху, свидѣтельствуютъ о воскресеніи Господа Иисуса Христа, но опять таки Петръ первый разъясняетъ, толкуетъ спасительность Крестной Жертвы: „Богъ же, какъ предвозвѣстель устами всѣхъ Своихъ пророковъ пострадать Христу, такъ и исполнилъ. Итакъ, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши“ (Д. 3. 18-19). Такъ можетъ говорить только тотъ, кому дана власть вязать и рѣшить: Петръ въ данномъ случаѣ выступаетъ въ обязанностяхъ Пастыря, какъ врачевателя душъ.

Книжники и сами убѣждены во внутренней связи Петра и его спутниковъ съ Камнемъ, „пренебреженнымъ ими зиждущими, но сдѣлавшимся главою угла“. Они не смѣютъ отрицать, что Петръ въ присутствіи Иоанна сдѣлалъ явное чудо: „мы не можемъ отвергнуть сего“ (Д. 4, 16).

Въ Дѣяніяхъ мы имѣемъ достаточно фактовъ, подтверждающихъ мнѣніе, что Петръ, какъ при жизни Спасителя, такъ и теперь выдѣленъ на первый планъ и ярко освѣщенъ, какъ бы въ оптическомъ фокусѣ.

Замѣчая, что „руками Апостоловъ совершались многія знамена и чудеса“ (Д. 5, 12), Дѣянія съ особенной детальностью останавливаются на тѣхъ изъ нихъ, которыя содѣланы Петромъ. Это онъ совершилъ первое апостольское чудо (исцѣленіе хромого), онъ исцѣлилъ Энея въ Лиддѣ и воскресилъ Тавиюу въ Юппіи, и характерно, что, по народному вѣрованію, не было необходимости въ физическомъ прикосновеніи Петра для совершения чуда. Дѣянія констатируютъ, что вѣрующіе „выносили больныхъ на улицы и полагали на постеляхъ и кроватяхъ, дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ“ (5, 15). Развѣ въ этихъ словахъ не ясно высказывается особое положеніе Петра среди прочихъ Двѣнадцати?

* * *

Указанные выше факты свидѣтельствуютъ, что Петръ, въ сознаниі даннаго ему на берегахъ Тиверіадскаго моря Верховнаго Пастырства, съ первыхъ же шаговъ молодой Церкви выступалъ, какъ преимущественный Учитель и Устроитель ея. Вскорѣ явилась нужда и въ примѣненіи права „вязать“ недостойныхъ овецъ, и мы видимъ, что Петръ со всею строгостью употребилъ это право. Лишь только въ общину, гдѣ царило „одно сердце и одна душа“, гдѣ все было общимъ, пытается вкратсья сепаратистическій духъ, Петръ, бдящій Ключарь, полагаетъ ему предѣль. Это мы видимъ на случаѣ Ананіи и Сапфиры, „допустившихъ сатанѣ вложить въ сердце мысль солгать Духу Святому и утаить изъ цѣны земли“ (Д. 5, 3). Они выслушиваютъ безапелляціонный приговоръ Петра . . . Ананія палъ бездыханенъ . . . Сапфира внимааетъ: „что это согласился вы искутить Духа Господня? вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего; и тебя вынесутъ“, и падаетъ къ ногамъ Петра, испуская духъ.

Въ случаѣ Симона, который „волхвовалъ и изумлялъ народъ самарійскій, выдавая себя за кого то великаго“, Петръ постановляетъ болѣе мягкое рѣшеніе, онъ „разрѣшаетъ“ виновнаго. Какъ извѣстно, Симонъ волхвъ позавидовалъ силѣ апостольской и за деньги просилъ у нихъ: „дайте и мнѣ власть сію“. Петръ, ставя свое рѣшеніе: „нѣтъ тебѣ въ семь части и жребія“ (8, 21), налагаетъ на Симона первую въ исторіи христіанства эпитимію: „покайся въ семь грѣхѣ твоёмъ и молись Богу“. Здѣсь передъ нами Петръ — верховный судія и ключарь сокровищъ милости Божіей.

* * *

Вся дѣятельность Петра, какъ Пастыреначальника, протекала до сихъ поръ въ сферѣ избраннаго народа, но у Христа были „и другія овцы, которыя не сего двора“. Петръ не былъ бы вселенскимъ пастыремъ, если бы не онъ первый вступилъ въ

общеніе съ ними. Самъ же Христосъ предвѣщалъ: „услышать голосъ мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“ Могъ ли Сказавшій: „паси овецъ моихъ“ поручить задачу объединенія отдѣльныхъ стадъ въ одно великое кому-либо иному, чѣмъ Петру? „Я есмь истина“ — „паси овецъ моихъ“, нѣтъ ограниченія въ этихъ послылкахъ, и выводъ изъ нихъ простъ: Петръ, именно онъ, принимаетъ въ христіанство перваго язычника, сотника Корнилія (Д. 10), объявляя черезъ него всему міру догматъ вселенскости Христова ученія: „Мнѣ Богъ открылъ, чтобъ я не почиталъ ни одного человѣка сквернымъ или нечистымъ (28) и что „во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятель Ему“ (35).

Что Петръ и самъ сознавалъ свое значеніе, какъ перваго апостола иноплеменниковъ, видно изъ его рѣчи на апостольскомъ соборѣ, разсматривавшемъ обрядовые вопросы о сохраненіи Моисеевыхъ законовъ и для язычниковъ. Долгое разсужденіе „апостоловъ и пресвитеровъ“ закончилось принятіемъ резолюціи Петра, которой онъ предпослалъ слѣдующее указаніе на свой приоритетъ: „Мужи братіе, вы знаете, что Богъ отъ дней первыхъ избралъ изъ насъ меня, чтобы изъ устъ моихъ язычники услышали слово Евангелія и увѣровали“ (15, 7). Сама же резолюція, „единодушно“ принятая, гласила со своей мотивировкой: „И Сердцевѣдецъ Богъ далъ имъ свидѣтельство, даровавъ имъ Духа Святаго, какъ и намъ; и не положилъ никакого различія между нами и ими, вѣрою очистивъ сердца ихъ. Что же вы нынѣ искушаете Бога, желая возложить на выи учениковъ иго, котораго не могли понести ни отцы наши, ни мы?“ (15, 8-10).

Обращеніемъ Корнилія былъ законченъ въ общихъ чертахъ планъ Вселенской Церкви. Изъ узкаго „притвора Соломонова“ (Д. 5, 12) она „распространилась направо и налево, потомство ея завладѣло народами и населило опустошенные города“, ибо ей по преемству и по цѣнѣ крови Христовой было сказано пророкомъ: „распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ твоихъ; не стѣсняйся, пусти длиннѣе верви твои, и утверди колья твои“ (Ис. 54, 2).

Читатель, отбросивъ предубѣжденія о „латинскихъ прелестяхъ“, не можетъ не сказать, что въ распространеніи шатра

Церкви Христовой „направо и налево“ первое мѣсто вездѣ занимаетъ Петръ, — онъ проводитъ борозды и намѣчаетъ мѣсто колевъ. Этимъ отнюдь не затѣмняется работа другихъ апостоловъ, — для католиковъ, одинаково съ православными, знакомо и дорого слово Павла: „я насадилъ, Аполлосъ поливалъ“, ибо и мы, и они одинаково вѣримъ, что все „возрастилъ Богъ“ (I Кор. 3, 6), но тѣмъ не менѣе для насъ ясно, что первымъ орудіемъ въ рукахъ „оратая сердцець“ былъ Симонъ, названный Петромъ.

* * *

Здѣсь мы заканчиваемъ наше знакомство съ Петромъ по даннымъ Евангелій и Дѣяній. Народившіяся Церкви были „въ покоѣ, назидаясь и ходя въ страхѣ Господнемъ“ и Петръ „обходилъ всѣхъ“ (9, 31-32). На Евангельскомъ пути, конечно, не всегда и вездѣ встрѣчались розы: не разъ апостолъ сидѣлъ въ темницѣ, гдѣ его утѣшала мысль, что „церковь прилежно молилась о немъ Богу“ (12, 5), какъ и теперь милліонами сердцець ежедневно возносятся къ Небу молебны о верховномъ Пастырѣ: „Господь да сохранитъ его!“

Святительствовалъ Петръ и въ Антиохіи и, наконецъ, въ Римѣ, „избранной, подобно вамъ, церкви въ Вавилонѣ“ П. (I, 5, 13), гдѣ въ 67 году, во время владычества Нерона, и пожалуй вѣнецъ свѣтлаго мученичества, распятый, по собственному желанію, внизъ головой, — „стремглавное преславно претерпѣлъ распятіе“, по словамъ русскихъ Миней.

До побѣднаго конца остался онъ вѣренъ Господу, который при земномъ Своемъ прощаніи сказалъ ему: „ты иди за мною“ (Io. 21, 22). Ученикъ выполнилъ завѣты Учителя: изъ рыбака, знавшаго непостоянство водной стихіи, онъ сдѣлался ловцомъ человѣковъ. Утвердившись въ вѣрѣ самъ, онъ утвердилъ братьевъ своихъ въ славѣ Воскресшаго, ибо не провозвѣстницамъ женамъ, а ему повѣрили Апостолы. Слова первыхъ „показались имъ пустыми“, слова Петра заставили ихъ говорить, что „Господь истинно воскресъ“. Безъ вѣры же въ Воскресеніе немислимъ христіанинъ, а тѣмъ болѣе апостолъ: „если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша“ (I Кор. 15, 14).

Исполняя завѣтъ пасти овецъ, Петръ, какъ Вселенскій Пастырь, соединилъ подъ своимъ спасительнымъ посохомъ овецъ и „не сего двора“ съ тѣми, за которыхъ Иисусъ прежде всего пролилъ Свою кровь.

Достойнымъ матеріаломъ оказался Петръ въ благословенныхъ Дланияхъ Ваятеля: твердымъ цоколемъ вышелъ онъ изъ-подъ рѣзца послѣдняго. Почти двѣ тысячи лѣтъ стоитъ на немъ основанная Христомъ Святая Церковь, — 266 преемниковъ Петра, несмотря на многовѣковую исторію, полную не только торжества, но и борьбы, продолжаютъ оберегать ее и украшать.

Но глаза русскаго человѣка застилаютъ новая пелена. Едва спала завѣса официальной церковности, какъ накинута новая: не менѣе императивной безцерковности, и не видятъ они этого храма.

Вѣрю, что спадетъ и эта пелена. И пусть тогда русскій, кто читъ себя православнымъ, хотя бы въ окошко, хотя бы въ щелочку, заглянетъ въ храмъ Петровъ: онъ увидитъ тогда, что со стѣнъ послѣдняго будутъ его привѣтствовать знакомые лики его же любимыхъ молитвенниковъ Егорія и Миколы, Пантелеймона, Кирилла, Меодія, хвалящихъ Бога во святынѣ Его . . . А въ клубахъ ѳиміама радостно будетъ глядѣть взоръ Пречистой Предстательницы, Христіанъ Веселія и скорбящихъ Утѣшительницы, простирающей Свой покровъ отъ Запада и Востока, Юга и Сѣвера, то-есть, обнимая подъ нимъ всѣхъ къ ней притекающихъ.

Исполнитесь желаніемъ этого видѣнія, тогда вы убѣдитесь, что когда-то этотъ храмъ былъ и вашъ. Кто ушелъ изъ него: мы или вы, не будемъ спорить. Для спора, а не пререканія, нужно знакомство со взглядами противника. *Audiatur . . .* Вы же никогда насъ не слушали, по нерадѣнію ли, страха ли ради . . . Я говорю о непосредственномъ выслушаніи, а не о черпаніи изъ чужого источника, конечно.

IV.

Камень въ оправѣ восточныхъ самоцвѣтовъ.

Тѣ, кто не хочетъ признавать верховной власти Петра среди апостоловъ и его преемниковъ, епископовъ Рима, обыкновенно спрашиваютъ почему же Христось не сказалъ ясно и просто: „вотъ я ставлю Петра начальникомъ вашимъ и т. д. Почему Онъ не дефинировалъ примата, главенства Римскаго Первосвященника?

Такимъ можно было бы отвѣтить по-Евангельски: „многое и другое сотворилъ Исусъ, но если бѣ писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ“ (Іо. 21, 25). Это во-первыхъ, во-вторыхъ же, мы напрасно будемъ искать въ святомъ писаніи многихъ другихъ формулъ и терминовъ, какими одинаково пользуются обѣ церкви. Святое Писаніе — это завязь, въ которой сокрыты всѣ качества плода, но въ эмбриональномъ, зародышевомъ видѣ. Законъ же ботаники обязателенъ и для Священнаго Писанія: „По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ рпейника смоквы“? (М. 7, 16).

Смоковница Церкви Вселенской коренится въ Евангельскомъ Христѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если у нея „смоквы весьма хорошія, каковы бываютъ смоквы раннія“ (Іер. 24, 2), и уже не одинъ „нарывъ“ на человѣчествѣ излѣчивался обкладкой изъ нихъ (Ис. 38, 21).

Свидѣтелями ранняго урожая Вселенской Церкви являются преданія отеческія, которыя одинаково дороги и Востоку и Западу. И всѣ эти преданія говорятъ, что Петръ былъ верховнымъ

апостоломъ, а его преемники — Пастырями, слову которыхъ была послушна вся Церковь.

Литература въ этомъ отношеніи необычайно обширна, и мнѣ поневолѣ приходится ограничиться только нѣкоторыми указаніями.

Вотъ, на примѣръ, Василій Великій, говорящій въ „Аскетическихъ правилахъ“ (гл. XXII): „Это самъ Христосъ насъ научаетъ, Онъ, который поставилъ Петра пастыремъ Своей Церкви послѣ себя.“. а Св. Григорій Назіанскій (поуч. объ умѣренности) совѣтуетъ: „Взгляните на учениковъ Христа; всѣ совершенны и достойны избранія. Однако только одинъ изъ нихъ получаетъ имя Петра, и въ его руки Господь влагаетъ основаніе Церкви; другой болѣе прочихъ любимъ и почіетъ на персяхъ Иисуса; и ученики сносятъ эти преимущества“.

Св. Кирилль Александрійскій (О. Св. Іоаннѣ, кн. 2) отмѣчаетъ: „Учитель не позволяетъ ему называться дальше Симономъ. Онъ завладѣваетъ ученикомъ, какъ собственнымъ достояніемъ, и даетъ ему многозначущее имя Петра, ибо на немъ Онъ собирается основать свою Церковь“.

Продолжать ли дальнѣшнія выписки текстовъ? Ихъ не счесть. Вотъ Св. Макарій Египетскій, говорящій, что „Петръ сталъ преемникомъ Моисеевымъ, когда ввѣрены ему были новая Церковь Христова и истинное священство“ (бесѣда 26, 23). Вотъ Св. Ниль Синайскій, признающій, что Христосъ „поставилъ ап. Петра пастыремъ цѣлой вселенной“. Подобные тексты мы находимъ и у другихъ святителей Восточной церкви: Св. Елифанія Кипрскаго, Св. Ефрема Сирина, Св. Григорія Нисскаго etc.

Но больше всего имѣется мѣсть о верховенствѣ Петра у Іоанна Златоустаго. По его твореніямъ безпартійный искатель, не трогая западныхъ источниковъ, можетъ пунктъ за пунктомъ возсоздать католическую доктрину о приматѣ Петра. Такъ въ третьей Бесѣдѣ о покаяніи (Москва 1779, Синод. изд.) этотъ Отецъ Церкви говоритъ: „Петръ, оный верховный апостоль, первый въ Церкви, твердый оный камень, основаніе неподвижное“. Въ Бесѣдѣ пятой: „Петръ плакася горько: какая же слезъ оныхъ сила? Событіе дѣлѣ явственню оную доказуетъ: понеже по тяжбѣ ономъ паденіи паки перваго честію почтилъ его

Господь, и правленіе вселенскія Церкви вручилъ ему.“ „Петръ, по мнѣнію Святителя, яко теплый, и яко увѣренъ бывъ отъ Христа о стадѣ, и яко первый отъ лика приснопржежній сый начинаеть слово“ (Гес. на Дѣянія, б. 3).

„Прологъ“ этого же Отца Церкви подъ датой 29 іюня является прямой апологіей и обоснованіемъ примата Петра: „Петръ бо камень наречется, на немъ же созда Христосъ церковь духовную, ей же врата смертная не могутъ одолѣти; идѣже самъ Творецъ основаніе положилъ и стѣны возгради вѣрую, кто возможетъ ей претивиться“.

А вотъ же противятся, оказывается. Одно для такихъ оправданіе: не вѣдаютъ, что творять!

Восточные Отцы не ограничивали примата личной привилегіей Петра; они вѣрили, что первенство пастырское перешло отъ апостола и къ его преемникамъ, римскимъ Епископамъ. Они знали не только теорію примата, но и практически прибѣгали къ нему въ трудныхъ обстоятельствахъ своей пастырской дѣятельности. Діонисій считалъ своимъ долгомъ оправдываться передъ папой Св. Діонисіемъ во взведенныхъ на него обвиненіяхъ въ лжевѣрїи; то же самое дѣлалъ Анкирскій епископъ Маркеллъ передъ папой Юліемъ.

И ни у кого другого, какъ у Римскихъ Первосвященниковъ, искали защиты восточные святители, когда свѣтскія или недостойныя духовныя власти преслѣдовали ихъ.

Вотъ что пишетъ Василій Великій (н. 70) къ папѣ Дамасію: „Мы прибѣгли къ вамъ, умоляя въ писемѣхъ потщиться намъ въ помощь и послать людей одного съ нами духа, дабы примирить раздѣленныхъ и возстановить дружбу между Церквами“. Не задолго до этого Св. Аванасій Великій, сверженный происками аріанъ съ александрійскаго владычняго престола, вмѣстѣ съ другими преслѣдуемыми святителями ишетъ опоры въ папѣ Юліи, который принуждаетъ гонителей къ благоразумію и возвращенію престоловъ законнымъ іерархамъ.

Основываясь на этихъ и многихъ другихъ фактахъ, Св. Іоаннъ Златоустъ взываетъ къ папѣ Св. Иннокентію: „Это (т. е. престоль Римскій) — наша стѣна, наша твердыня, необуреваемая наша пристань, наша сокровищница! неисчислимыхъ благъ, на-

ша радость и основа нашего удовольствія.“ (Посл. Ин. еп. р.). Нѣсколько раньше тотъ же Учитель Церкви ясно говоритъ, что одного папскаго посланія достаточно, чтобы аннулировать акты любой духовной инстанціи, будь то патриархъ александрійскій: „Потрудитесь объявить посланіемъ, что все, такъ противозаконно сдѣланное въ отсутствіе наше... не имѣетъ никакой силы...“

Подобными ссылками можно испещрить буквально томы, доказывая словами Восточныхъ Отцовъ, что ихъ Церковь до несчастнаго раздѣленія смотрѣла на Римскую, какъ на печальницу и оплотъ.

Нѣтъ теперь этого. Почему? Вопросъ сложенъ, и не здѣсь его разрѣшить. Въ одно вѣрю, что не правъ одинъ изъ православныхъ богослововъ, который недавно на публичной лекціи говорилъ, что раздѣленіе Церквей лежитъ въ волѣ Господней, и что раздѣленнаго Богомъ не соединить людямъ. Говорившій забылъ, вѣроятно, что Господь озаботился о нерасторжимости даже брака, нигдѣ не благословляя раздѣленія, а уже тѣмъ болѣе въ Церкви Своей. Православная Церковь возможности подобнаго взгляда, вѣроятно, и не подозрѣвала, если до сихъ поръ и, кажется, ежедневно молится о „соединеніи всѣхъ“.

Въ удесятереніи этихъ молитвъ, въ немолчномъ ихъ возсыланіи къ Господу лежитъ мощное средство единенія, которое необходимо христіанству, какъ воздухъ, ибо врагъ не ждетъ.

Вспомнимъ слова Исаи (62, 67): „О вы, напоминающіе о Господѣ! не умолкайте, не умолкайте передъ нимъ, доколѣ Онъ не возстановитъ и доколѣ не сдѣлаетъ Иерусалима славою на землѣ“.

Вселенская Церковь до своего „раздѣленія“, когда она еще знала общій языкъ обращенія къ Небесному Жениху, видѣла блескъ этого Новаго Иерусалима. Она описываетъ его въ своихъ хартіяхъ такъ ясно, такъ красочно, какъ византійская эмаль, какъ русская финифть. И неужели произносящіе эти молитвы смотрятъ на нихъ, какъ на наборъ фразъ? Вѣдь это на частушка, а вопль души, какъ эмаль и финифть не оттискъ бездушнаго пресса, а кропотливое твореніе художника.

* * *

Посмотримъ, какими выраженіями чтить православная Церковь Петра и его преемниковъ во дни ихъ службъ. Матеріаль къ этому — Минеи мѣсячныя обычнаго Синодскаго изданія. Возьмемъ тексты для 29 и 30 іюня и 16 Января, дней, которые посвящены Святымъ и Всехвальнымъ Апостоламъ Петру и Павлу, ихъ собору и, наконецъ, почитанію веригъ Петра.

Петръ величается въ нихъ Первымъ, Верховнымъ, Первопрестольнымъ, наставникомъ апостоловъ, ихъ основаніемъ и вождемъ, пастыремъ владычнымъ, началомъ православія и христіанъ, и особенно часто Камнемъ вѣры. — Это вѣдь не салонныя комплименты, а выраженіе молитвенныхъ чувствъ, гдѣ все—искренность, „ибо такихъ поклонниковъ Отець ищетъ Себѣ“ (Іо. 4, 23) (*).

Канонъ Іоанна Дамаскина, обращаясь къ Петру, говоритъ : „На камени твоего богословія водрузи владыка Іисусъ церковь непреклонну, въ ней же ты, апостоле Петре, славимъ. Ты камень основанія вѣрнымъ душамъ положился еси многодѣнъ“, — Славящая Церковь знаетъ „неуклонность этого камня и въ ней ищетъ свое приобщеніе : „Неуклоннымъ твоимъ камнемъ, Петре, вѣры, соблюдая Церкви исполненіе, отъ среды соблазны отжени, Петре, и мирное испроси сей, блаженне, устроеніе.

Церковь вѣрно одѣнваетъ значеніе катаклитическихъ колебаній, которыя прошли въ душѣ апостола, пока онъ

(*) Тѣ, кто *ex officio* не хотять примата Св. Петра и ддя краснаго слова не пожатють родного отца, обыкновенно указываютъ, что „Четы“ шедры на эпитеты и ддя другихъ апостоловъ. Еще „Почасвній Листокъ“, въ 1906 г. (№ 35) говоритъ объ этомъ, приводя соответствующіе примѣры. Не говорю уже о томъ, что такой взглядъ на литургическую книгу есть подрѣзаніе сука, на которомъ сидишь, укажу только, что большинство примѣровъ „Листка“, есть недоразумѣніе. Если св. Матоей зовется „первымъ благовѣстникомъ“, то это объясняется первымъ мѣстомъ среди Евангелистовъ, Титулъ Іакова, брата Господня, какъ *перваго епископа*, понятенъ изъ факта его святительства на первой по времени владычней кафедрѣ въ Іерусалимѣ. Другой ап. Іаковъ, братъ Іоанна, названъ книземъ апостоловъ, но это только въ славянскомъ переводѣ, имѣющемъ не только эту одну ошибку. Греческій текстъ называетъ его *ἀρχων ἀπόστολος*, т. е. не придаетъ ему избирательнаго преимущества. Зна которое указываетъ по ред. л. мн. ч. русскій переводъ.

утвердился въ вѣрѣ и взялъ на себя пастырскія обязанности утверждать другихъ, и извлекаетъ изъ этихъ событій спасительный урокъ для кающихся: „трижды отверглся еси Христа тѣмъ же вопрошеніемъ трикратнымъ исцѣляетъ твое согрѣшеніе, Петре, преславне, и утверженіе показуетъ многихъ колеблющихся.“

И какъ въ апостольскія времена вѣрующіе настолько были убѣждены въ силу Петра, что достаточно было осѣненія тѣнью его для чудесныхъ излѣченій, такъ и теперь Православная Церковь съ теплой вѣрой лобызаетъ его вериги. Служба 16 Января, посвященная поклоненію этимъ послѣднимъ, начинается такъ: „Днесъ намъ основаніе Церкви, Петръ, камень вѣры, предлагаетъ честныя свои вериги въ душевное благочестіе“, и это за невозможностью тѣлеснаго присутствія апостола, который не можетъ покинуть Вѣчнаго города: „Рима не оставь, къ намъ пришелъ еси честными веригами, якоже носилъ еси, Апостоловъ первопрестоліе“. Вериги Петра являются какъ бы связующимъ звеномъ Востока и Запада.

Римъ — столица этого первопрестолія: „Рима же ты былъ еси первый епископъ, превеликаго градовъ слава и похвала, и Церкви, Петре, утверженіе, и врата Адова не одолѣютъ ея, яко же Христосъ предрече“.

И каждое изъ преимуществъ Петра, Церкви утвержденія, отмѣчено особыми пріосами, пѣнями и канонами.

Вотъ онъ въ роли учителя: „Радуйся, теплый вѣры поборниче, — тобою разумъ пріемлютъ неразуміемъ одержиміи“. „Свѣтъ явился еси второй, Петре, озаряющій душа наша“. — Учительство Петра, какъ безошибочное, должно приниматься безпрекословно, ибо онъ, „яко догматовъ основаніе недвижимо, законы Христовы утвердилъ и пребеззаконнующія благозаконію научилъ“, при чемъ въ школъ его мудрости должны пребывать не только овцы, но и агнцы: „законослужебники убо Петръ умудряше, якоже завѣщася ему“.

Не менѣе ярокъ Петръ и въ качествѣ верховнаго печальника. Къ нему въ одномъ изъ „сѣдальныхъ“ Церковь обращается съ привѣтствіемъ и просьбой о предствательствѣ: „яко верховнаго мудрыхъ апостоль, и яко ключаря небеснаго царствія восхвалимъ тя, Апостолъ“. — „Вселенныя радование, небеснаго царствія клю

чарю и теплый предстатель“. Она надѣется, что Судія живыхъ и мертвыхъ выслушаетъ ходатайство Петра: „тобою умоляемъ,... да будетъ ми милостивъ“.

И если въ день 29 іюня Церковь прославляетъ совмѣстно и „Петра воистину Славнаго“ и „Павла поистинѣ чуднаго“, какъ „звѣзды словесныя, ими же просвѣтятся западный мракъ“, т. е. языческій міръ, какъ „Рима свѣтлая удобрення и вселенныя питатели“; если Церковь въ экстазѣ вопрошаетъ: „кіими похвальными вѣнцы увяжемъ Петра и Павла“, то все-же Апостолу Петру вездѣ предоставлено первое мѣсто въ этихъ *боговдохновенныхъ* пѣсняхъ, какъ называютъ Минеи свои ирмосы и каноны, чему и мы твердо вѣримъ. И вотъ „невѣжественно рыбарь и усмарь“ сіяетъ передъ молящимися, „яко пребольши Ангелъ въ тѣлеси и величайшее солнце“.

Къ этому солнцу направлены взоры взывающихъ: „яко Божественный ключарь, царствія сего отверзи входы вѣрно тя чтущимъ на земли“. И въ сознаниі особой важности почитанія Петра Восточная церковь предписываетъ вѣрнымъ готовиться къ его празднику въ постѣ и раскаяніи: вотъ гдѣ лежитъ объясненіе „Петровокъ“, столь дорогихъ и блзкихъ русскому народу. Какъ будто Церковь боится: „славнаго и великаго Господня ученива достойно кій языкъ похвалити возможетъ“, придавая Петру особый вѣсъ въ рѣшеніи судебъ ея дѣтей.

Другіе постные періоды: Успенскій, Рождественскій и Великій посты готовятъ православнаго христіанина къ достойной встрѣчѣ величайшихъ праздниковъ, прославляющихъ Христа и Пречистую. Смыслъ же Петровскаго поста можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что и Православная Церковь считаетъ Петра верховнымъ апостоломъ; иныхъ причинъ не предумашь: вѣдь Петръ не является покровительствующимъ Святымъ, ни для Россіи, ни для Византіи.

Не отрицается православными церковными пѣснопѣніями и католическое ученіе о преемственномъ переходѣ Петровыхъ прерогативъ первопрестольника къ его наслѣдникамъ по Римской кафедрѣ. По крайней мѣрѣ, святость тѣхъ палъ, которые почтены молитвенными службами и Православной церковью, объясняется въ этихъ послѣднихъ главнымъ образомъ, какъ результатъ освя-

щенія преемственной благодатью, исходящей отъ Петра, верховнаго апостола и основателя Церкви. Въ доказательство беру службы 25 ноября Св. Климента, третьяго наслѣдника Петра, 2 января — Св. Сильвестра, 34го папы, 8 апрѣля Св. Келестина — 47го, 18 февраля — Св. Льва — 49го, 12 апрѣля — Св. Мартина, 80го.

Четыри Минеи (подъ 25 ноября) приводятъ, напимѣрь, такое предисловіе къ прославленію заслугъ Св. Климента, — это хронологія первыхъ папъ: „Скончавшемуся Петру и по немъ Епископу Лину, тоже Епископу Клиту, правяше Климентъ добръ корабль Церкви Христовой посредѣ волненія и бури... и пасяше Христово стадо многимъ трудомъ и терпѣніемъ“.

Объ этомъ же Климентѣ Минеи мѣсячныя, подъ 25 ноября, молитвенно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ вѣренъ своему прообразу на святительскомъ престолѣ: „ученикъ былъ Петровъ, нравы того подражая, Клименте Страдалче, тѣмъ же и престола преемникъ истинно показался еси“.

Папа Сильвестръ — „во священникѣхъ священникъ“, „верховникъ священнаго собора и священныхъ отцовъ“.... „Отче святителю, Сильвестре, вѣрныя просвѣтилъ и отгналъ еси тьму ересей. Столпъ явился еси огненный, священно *предводя* священный соборъ *)“.. Не меньшая хвала поется въ „Четьяхъ“ и другимъ святымъ Папамъ. Левъ въ нихъ „Петра верховнаго престолонаслѣдникъ“; Мартинъ — „православныхъ ученій наставникъ всеславный, и верховникъ священныхъ повелѣній божественныхъ неложный“ (по словамъ Мин. Чет. за 12 марта, ангелъ обращается къ св. Григорію Двоеслову, папѣ римскому: „нарече ты Господь быти первопрестольника Святыя Его церкви и наслѣдника Святаго верховнаго Апостола Петра“.

И все эти святители унаслѣдовали добродѣтели верховнаго апостола, имѣютъ его „нравъ и вѣрность вѣры“, получивъ эти качества по престолопреемству, какъ видно изъ текста, посвященнаго, напимѣрь, Льву: „Петра честнаго преемникъ, и сего начальствомъ обогатился и теплу стяжавъ ревность.“

*) Говорится о первомъ Вселенскомъ соборѣ 325 г. въ Никей, гдѣ предсѣдателемъ былъ папскій посланникъ Осій, еп. Кордубскій.

Будучи верховными учителями, всѣ эти святые папы сохраняютъ незыблемую вѣру, предлагая ее вселенской паствѣ и обязывая къ ней „міръ и Римъ“, какъ говорится въ одномъ изъ пѣснопѣній. Сильвестръ, „утвердивъ священное ученіе, еретиковъ заградилъ безбожная уста“. Но особенно почитается въ Минеяхъ премудрый Левъ, являясь передъ нами съ самой богатой сокровищницей правъ верховнаго и вселенскаго учителя.

Онъ „свитокъ благочестивыхъ догматовъ, Богоначертанный свитокъ вѣры, правило ученій извѣстно, православія наставникъ, благочестія учитель и чистоты, вселенныя свѣтильникъ“.

И если Петръ „земледѣльствуя сердца, жестокая благоплоднѣйшая совершилъ“, то преемники не менѣе умѣло продолжали его работу. Сильвестръ именуется: „рѣка благочестія явился и ученій струями всю землю напоилъ (кондакъ его памяти). Левъ былъ „архіереевъ богодухновенное удобреніе“.

Преемники Петра, который, какъ мы видѣли, былъ „вторымъ свѣтомъ и словесной звѣздой“ продолжаютъ освѣтительную работу Петра. Левъ — „утро съ запада возсіялъ“. Мартину шлетъ Церковь свои привѣтствія, видя въ немъ восходъ надежды на твердость свою: „отъ запада убо исходяща, на востоцѣ же являющаяся“. Онъ „обшелъ яко солнце, лучи испуская, православныя просвѣщая вся“.

Развивая передъ взорами вселенной свои свитки вѣры и наставляя ее, преемники Петра не менѣе его бдительно охраняютъ порученное имъ стадо,водя послѣднее по значнымъ пастбищамъ Кифовой твердыни. Такъ Левъ, „столпъ православія Христовой Церкви усердно нося, еретиковъ безбожныя разрушаетъ полки и сборища“ и неустанно борется „со всѣми еретическими языкоболіи“.

Стадо здѣсь понимается, очевидно, не только непосредственно имъ пасомое, а вселенское, имѣющее по мѣстамъ своихъ пастырей, — ибо опасности, угрожающія Церкви, возникаютъ на Востоцѣ, и это туда тѣшитъ Левъ, чтобы укротить „Евтиха обезумившагося“ и утишить „Несторіево буселовіе“, осмѣлившихся посягнуть противъ „честныя Троицы и чистыя Богородительницы“ — самыхъ дорогихъ для христіанина религіозныхъ сокровищъ.

Мудрость учителя, ревность пастыря, твердость суди, — вотъ качества, какими въ русскихъ Минеяхъ мѣсячныхъ прославлены

преемники Св. Петра на его Римскомъ Престолѣ. Они дороги и Западу и Востоку, и именно за свою вѣрность ученію Христа: сего ради не одинъ вѣдь Левъ „познался въ Мірѣ и Римѣ, яко божественный таинникъ благодати“. Всѣ вѣдь они стояли на скалѣ Петровой, украшая „Петровъ Божественный престолъ“, и не объ одномъ только Левѣ говорится, что онъ „на того камени Церковь неколебиму соблюде“.

А вотъ современные православные богословы говорятъ, что никакого примата Христоу Петру не давалъ и что его преемники, Сильвестръ, напимѣрь, узурпировали себѣ власть надъ всею Церковью.

„Сильвестръ — священнотайниче!“ — зываетъ Православная Церковь: „Сильвестръ — фальсификаторъ“! провѣщаетъ съ кафедры православный богословъ.

Гдѣ же логика? Для чего же тогда молиться? Или это пустые звуки? Тогда елей этихъ пѣснопѣній не „елей радости“ (Ис. 61.³), а бакалейная смѣсь подсолнушнаго масла съ минеральнымъ; ихъ ѳиміамъ не „чистый, святой“ (Исх. 30.³⁵), а химическій препаратъ изъ горной смолы съ мѣстъ Содомы и Гоморры.

Мы вѣримъ въ противоположное: молитва православной Церкви есть вопль ея сердца, голосъ ея разума, и эта Церковь искренно проситъ Святаго Льва, Папу Римскаго: „яко вѣренъ святитель о паствѣ твоей Владыку прилежно умоли“.

Объ этой же паствѣ молился недавно покойный Папа Венедиктъ XV. Вотъ слова его молитвы:

„Господи, въ вѣрномъ исповѣданіи имени Своего соединившій множество народовъ, мы просимъ Тебя о возсіяніи благодати Твоей надъ христіанами Востока.

Ради высокаго значенія, которое они по праву нѣкогда занимали въ Твоей Церкви, молимся Тебѣ, исполни ихъ стремленіемъ снова принять таковое и образовать съ нами одно стадо подъ единымъ пастыремъ. Содѣлай, пусть углубятся они, какъ и мы, въ изученіе истинъ, преподанныхъ ихъ великими Учителями, которыхъ и мы Отцами Церкви почитаемъ. Предотврати насъ отъ малѣйшаго шага, могущаго ухудшить раздѣленіе. И пусть духъ

согласія и любви, которымъ Ты являешь Свое пребываніе посреди вѣрныхъ, ускорить зарю того дня, когда ихъ молитвы сольются съ нашими, и народы міра въ своемъ многоязычїи будутъ исповѣдывать и величать Господа нашего Іисуса Христа, Сына Твоего. Аминь !

Дозволено печатать.

† М. МИРОВЪ

Архіеп. Феод.

Царьградъ, 25/V/1922.

Pour la vente s'adresser aux
Editeurs : **ZELLITCH FRÈRES**, Imp. du St. Siège
Péra, rue Yazidji (nouvelle bâtisse)

Prix: { Cons/ple 10 ptrs.
Etranger 1 fr.